

А. Г. Лундин

О ХАРАКТЕРЕ НАДПИСЕЙ ИЗ ДЖАР АЛ-ЛАББА

(К столетию путешествия Ж. Халеви)

БОГАТЕЙШЕЕ наследие Ж. Халеви, громадная коллекция южно-арабских надписей, собранных и опубликованных им сто лет тому назад, уже на протяжении века определяет развитие сабейстики. Оно до сих пор служит неиссякаемым источником новых сведений по истории и культуре древнего Йемена. Однако и до сих пор многие надписи, собранные Ж. Халеви, еще недостаточно изучены и не имеют удовлетворительного перевода и истолкования. Это касается и надписей из Джар ал-Лабба, небольшого городища в Джауфе в часе ходьбы от ал-Байда (древнего Нашқа).

Ж. Халеви обнаружил там две стелы, одну — с надписями на трех гранях (Hal. 598—600), другую — на четырех (Hal. 601—604) и два небольших фрагмента (Hal. 605 и 606). Наибольший интерес представляют надписи на стелах.

Тексты, составленные на сабейском языке, оказались весьма сложными для понимания как из-за повреждений, так и из-за того, что основные термины, проходящие через всю группу надписей, не встречаются в других документах. Сам Ж. Халеви опубликовал лишь тексты надписей из Джар ал-Лабба, не сделав попытки их перевода и интерпретации. При переиздании в «Корпусе семитских надписей» (СИН 460—466)¹ издатели ограничились комментарием к отдельным словам или группам слов. Только один текст СИН 466 (Hal. 604) сопровождается переводом, причем весьма предположительным: перевод обоих имеющихся в тексте глаголов сопровождается вопросительными знаками.

Первую попытку интерпретации надписей из Джар ал-Лабба дал А. Бистон, вначале дешифровавший текст СИН 461 (Hal. 599)², а затем посвятивший этим надписям специальную большую статью³. Ему удалось установить размер и характер повреждений текстов, дешифровать большинство терминов и дать связный перевод и интерпретацию большинства надписей. Исследование А. Бистона впервые ввело надписи из Джар ал-Лабба в научный оборот и заложило основу их понимания. Однако некоторые его выводы вызывают сомнения.

¹ СИН, vol. II, стр. 164—172.

² A. F. L. Beeston, *Sabaeen Inscriptions*, Oxf., 1937, стр. 48—49.

³ A. F. L. Beeston, *The Oracle Sanctuary of Jar al-Labba*, «Le Muséon», 72, 1949, стр. 207—228.

А. Бистон построил свое исследование, взяв за исходный пункт наиболее ясные и понятные термины, встречающиеся в этой группе текстов. Выделив пять слов (*dbh* «жертвоприношение», *ms'l* «оракул», *wln* «межевой камень», *'tb* «приносить жертву» и *mhtn* «алтарь для жертвоприношений», он определил на этом основании главную тему надписей как жертвоприношения и оракул⁴. После этого неясным терминам *dqt* и *mntft*, наиболее характерным для исследуемой группы текстов (*resurging terms*), уже по контексту придается значение «приносить жертву» и «алтарь для кровавой жертвы».

Однако такое использование значений, вырванных из контекста, кажется нам неправомерным, так как оно не учитывает места этих слов в общей структуре надписи, их роли в формуляре текста. Это особенно существенно для терминов, избранных А. Бистоном, так как жертвоприношения и оракулы в древней Южной Аравии, как и повсеместно на древнем Востоке, могли сопровождать любое действие. Вполне вероятно, что они были лишь вторичными действиями, сопровождавшими основное, которому и посвящены исследуемые тексты. Но как выделить это основное действие?

Эпиграфический памятник всегда является в какой-то мере документом и носит если не официальный, то публичный характер. Поэтому он обычно составляется по определенному формуляру и каждой теме соответствует свой более или менее строгий формуляр. Правда, в надписях из Джар ал-Лабба обнаружить такой формуляр не удается. Однако и без того имеется достаточно оснований считать, что все они посвящены одной теме: это и местонахождение надписей на двух соседних стелах, и ряд характерных терминов, повторяющихся из надписи в надпись⁵. Для того, чтобы выяснить эту основную тему, следует исходить прежде всего из лучше всего сохранившегося текста.

Такой текст дает надпись СИН 466, сохранившаяся целиком. Правда, она довольно сильно отличается от других надписей этой группы, прежде всего своей лаконичностью. Это — самая краткая из всех надписей; остальные превышают ее по объему в три-четыре раза. Однако это не должно нас смущать и является скорее благоприятным обстоятельством: если документы одного типа могут иметь краткий и пространный текст, то основная тема обязательно будет изложена в кратком тексте. Больше того, не осложненная необязательными частями и дополнениями, она получит в нем более четкое выражение.

Надпись СИН 466 имеет следующий текст (и интерпретации):

bn/thty/dn/wtnn/ydqtn/mrtdm/zb'yn/whsry/tb'krb

СИН: *Infra hunc terminum descendet (?) Marthad Thab'ensis et remotus est (?) Tabi'karib.*

Beeston: *Beneath this pillar MRTDm, the men of ZB', offers sacrifice and TB'KRB obtains the oracular response.*

С первого взгляда текст кажется простым, ибо все слова (кроме глагола *dqt*) довольно хорошо известны. Ясна и грамматическая конструкция. Однако это впечатление обманчиво, о чем лучше всего свидетельствует сравнение двух имеющихся переводов. При всем сходстве между собой, они сильно разнятся по смыслу, и оба представляются неудовлетворительными, так как не дают никакого представления о характере и значении надписи⁶.

⁴ Beeston, *Oracle Sanctuary...*, стр. 214—215.

⁵ К такому выводу пришел уже А. Бистон (там же, стр. 215).

⁶ В обоих переводах не отражено также значение имперфектной формы глагола *dqt* — длящееся действие, сохраняющее свой результат в настоящем времени.

К надписи СИН 466 имеется параллельный текст СИН 970, происхождение которого неизвестно. Он повторяет формуляр исследуемой надписи (bn/tḥt/dn/wṭnn/ydqtṇ/nbt'l/mlḥyn), но еще более краток: отсутствует последняя фраза whšgy/N. Наличие параллельного текста важно прежде всего потому, что оно подтверждает существование особой категории надписей, посвященной какой-то специальной теме. Соответственно и сама тема из разряда прецедента, запечатленного в случайной надписи, переходит в категорию явления жизни древнего Йемена, отраженного специальным типом надписей со строгим формуляром и, следовательно, имеющего более или менее широкое распространение.

Как и следовало ожидать, наиболее «формулярным» оказывается лаконичный текст. Основное содержание документов исследуемого типа сводится к одной фразе: bn/tḥt(y)/dn/wṭnn/ydqtṇ/N. Несомненно, что значение фразы определяется глаголом ydqtṇ, но это — haṛaḥ legomenon, не встречающийся вне надписей исследуемой категории; его значение не удалось установить ни по контексту, ни по этимологии⁷.

В этой формулярной фразе можно выделить четыре элемента: вводный («преамбула») — bn/tḥty—bn/tḥt; объект — dn/wṭnn, действие — ydqtṇ и имя автора — mṛtdm/zb'yn-nbt'l/mlḥyn. Такая классификация позволяет обнаружить еще один параллельный текст, хотя и несколько поврежденный, Ry 605: wṭn/twb'l/yšdyn/wbn/tḥty...⁸. Он имеет три элемента формуляра (объект, имя автора⁹ и преамбулу) из четырех обязательных и, может быть, имел и четвертый в дальнейшем не сохранившемся тексте. Изменен только порядок следования этих элементов.

Перестановка весьма многозначительна. Преамбула и, вероятно, действие отнесены назад и присоединены союзом w, как дополнительный раздел. Таким образом, непосредственно «формулярная часть» сокращена до предела, до двух элементов wṭn/twb'l/yšdyn «межевой камень Савб'ила Йасадита» и приобретает характер заголовка, определяющего значение (характер) всего текста¹⁰.

Это значение выражено хорошо известным термином wṭn, мн. ḥwṭn, встречающимся в южноарабских надписях около 50 раз, всегда со значением «межевой камень, столб; граница»¹¹. При этом почти все надписи, где упоминается термин wṭn¹², можно охарактеризовать как «межевые надписи», т. е. тексты, специально посвященные установлению границ и размежеванию земель, даже в тех случаях, когда этот термин стоит где-то в середине текста, в неформулярной позиции (см., например,

⁷ В e e s t o n, Oracle Sanctuary ..., стр. 126; СИН, vol. II, стр. 168; III, стр. 296.

⁸ G. R u s k m a n s, ISA XVIII, «Le Muséon», 73, 1960, стр. 13—14, табл. I; K. P e t r a ċ e k, Annotations aux inscriptions sud-arabes Ry 603—614 du Dār aḍ-Ḍi-yafa a Saṇ'ā, ArOr, 29, 1961, стр. 444—447.

⁹ Г. Рикманс считает yšdyn глагольной формой, но глагол yšd не засвидетельствован в надписях, а слово не связано грамматически ни с предыдущим, ни с последующим текстом. Параллели с СИН 466 и 970 бесспорно доказывают, что это — имя собственное (нисба). Родовое имя yšd см. также в катабанской надписи RES 4573.

¹⁰ Такое построение текста с вынесенным вперед «заголовком» характерно для некоторых категорий юридических надписей — межевых (см., например, СИН 615 и 616), надгробных (см., например, RES 3884 bis) и т. п.

¹¹ Значение «идол», основное для северноарабского языка, в древнейеменских надписях надежно не засвидетельствовано ни разу. Даже в СИН 522, 1, обычно привлекаемой для иллюстрации этого значения, выражение ḥwṭn/dsmwu лучше понимать «межевые знаки (принадлежащие или посвященные) зу-Самави», а не «идолы (изображения) зу-Самави». Укажем также, что и в языке современного Йемена слово waṭaṇ сохранило значение «межевой знак».

¹² Исключая лишь такие большие тексты, как RES 3945 или Ja 576, в которых упоминание явно случайно, и небольшое число надписей, где термин wṭn связан с именем божества (СИН 522, Ja 664 и т. п.).

Ja 540, 541¹³). Таким образом, уже термин *wṭn* дает основание определить исследуемые надписи как межевые тексты, утверждающие или устанавливающие право собственности на землю. Этот же характер текста определяется «заголовком» надписи Ru 605. Обратимся, однако, к другим элементам формуляра.

Выражение *bn/tḥt(y)* обычно понимается, исходя из североарабского языка, как предлог «под» (собственно «из-под»), причем исследуемые надписи даже приводятся в грамматиках как примеры такого значения¹⁴. Тем не менее, такое значение представляется весьма сомнительным. В надписях за словосочетанием *bn/tḥty* обычно следует имя божества, что совершенно исключает понимание этого выражения как предлога — ср. СИН 465, 7—8: *bn/tḥty/ttr*; СИН 461, 9—10: *bḥty/ttr*; RES 4966, 1: *bḥty/lmqh*; RES 3689,2 *wbn/tḥt/šms*. Уже Г. Рикманс отметил, что в катабанских декретах *bn/tḥt* имеет значение «по приказу, распоряжению, инициативе»¹⁵. Но и в сабейских надписях это выражение встречается преимущественно в текстах юридического характера (RES 4966 и Ru 605. Ср. также *tḥty* в СИН 973¹⁶). Это позволяет сделать вывод, что и в исследуемых надписях *bn/tḥty* имеет то же значение «по решению, постановлению». По-видимому, его вообще следует связывать не с североарабским предлогом *taḥta* «под», а с арамейским *twḥjt*, засвидетельствованным в пальмирских надписях CIS II, 3959 и Inv. X, 44 в формуле *mn(b) twḥjt bwl' wdmws* «по постановлению совета и народа»¹⁷. Грамматическая форма *tḥty* остается неясной; возможно, что термин следует рассматривать как прямое заимствование из арамейского. Однако в сабейских юридических надписях можно обнаружить и другие формы от этого же корня с близким значением: см., например, Fa 121: *tḥtn/byt/hll* «распоряжение рода Халил» и особенно Fa 55, где значение термина совершенно ясно из широкого контекста надписи: *gzm/ttr... wgzmlmqh... wḥtyt*¹⁸ /*wh/rg/lmr'hmw/š'rm/wtr* «решение 'Астара... и решение 'Алмақаха... и распоряжение и приказ господина их, Ша'ра 'Аутара».

Третий элемент формуляра, имя, хорошо понятен. Следует лишь отметить, что во всех трех случаях имя сопровождается указанием племенной (родовой) принадлежности, выраженным через нисбу. Этот способ довольно редок в Южной Аравии и служил, по-видимому, для обозначения более крупных ступеней племенного деления, чем *bn* и *d*.

Анализ трех элементов формуляра показывает, что все они относятся к сфере юридических актов; более узкие рамки дает «объект», указывающий на сферу землевладения. Это позволяет сделать вывод, что и четвертый элемент, глагол *udqtṇ*, вероятно, обозначает какое-то действие, связанное с межевыми камнями и тем самым — с размежеванием земли или установлением права собственности.

¹³ А. Г. Лундин, Некоторые вопросы земельных отношений в древней Южной Аравии, КСИНА, 86, 1965, стр. 148—154.

¹⁴ См. Г. М. Бауэр, Язык южноаравийской письменности, М., 1966, стр. 100—101; А. Ф. Л. Веестон, A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian, L., 1962, 48,1; 49,1.

¹⁵ G. Ruskman, ISA XVIII, стр. 14; ср. Бауэр, Язык..., стр. 101.

¹⁶ См. А. Г. Лундин, О праве на воду в Сабейском государстве эпохи мукаррибов, ИС, 11, 1964, стр. 51.

¹⁷ Charles — F. Jean — J. Hoffijzer, Dictionnaire des Inscriptions Sémitiques de l'Ouest, Leiden, 1965, стр. 324—325; ср. стр. 106: *mwh'* «приказ» (CIS II, 3913, II, 125) от корня *wh*.

¹⁸ Издатель читает *tḥzt*, хотя в копии А. Фахри стоит правильное чтение *tḥyt*: G. Ruskman, Epigraphical Texts в кн. A. Fakhry, An Archaeological Journey to Yemen, II, Cairo, 1951, стр. 32.

В остальных случаях упоминания этого глагола (СН 462, 1—2, 3; 463, 1; 464, 1—2; 465, 7—8) контекст слишком неясен, чтобы можно было хоть как-то уточнить его значение. Однако можно отметить, что и здесь он обычно соседствует с теми же терминами, что и в исследуемом формуляре: *dn/wtnn* (СН 464, 1—2) и *bn/thty/'ttr* (СН 465, 7—9 и, вероятно, СН 464, 1—2). Остается обратиться к этимологии слова. Из других семитских языков корень известен в североарабском со значением «колоть, жалить», видимо, от существительного *daqat^{un}* «москиты»¹⁹, и в аккадском, где имеются слова *zaktu* «острый, колючий» и *ziktu* «острие, жало» (говорится, например, о жале скорпиона)²⁰, с закономерными фонетическими соответствиями.

Значение «быть острым, колючим; колоть, жалить», о котором, видимо, можно говорить как об общесемитском, кажется совершенно неподходящим в исследуемых надписях, где речь идет, несомненно, о межевом знаке и о действиях, связанных с ним. Но здесь можно вспомнить об обычае, распространенном у многих народов древнего Востока — шумерийцев, эламитов и т. д., в том числе и у семитов-аккадцев — при отчуждении земель совершать обряд, связанный с забиванием колышка, на который затем совершалось возлияние маслом. Этот обычай имел, судя по некоторым данным, очень важное значение²¹. К сожалению, аккадцы обозначали колышек термином, заимствованным из шумерского языка, так что семитское звучание слова остается неизвестным.

Кажется весьма вероятным предположение, что и в древней Южной Аравии существовал подобный же обычай при отчуждении или размежевании земель производить обряд, связанный с забиванием колышка и какими-то другими сакральными церемониями, тем более, что пространные надписи из Джар ал-Лабба, содержащие термин *dqt*, упоминают и различные сакральные церемонии: принесение жертв, оракулы и другие, не всегда ясные для нас действия.

При существовании этого обычая развитие значения корня *dqt* представляется ясным: первоначальное «колоть, жалить» дает «забивать колышек, производить обряд забивания колышка», откуда появляется «дать право собственности на землю, отчуждать землю» и, видимо, «устанавливать границу владения». Существительное, вероятно, имеет значение «земельное владение, надел, участок». Таким образом, исследование этимологии термина *udqtu* не противоречит выводу о межевом характере исследуемых текстов и даже подтверждает его.

В результате исследования надписи выявленного типа можно перевести следующим образом: «Согласно решению, этот межевой знак дает право собственности такому-то». Они получают при этом вполне определенное, четко очерченное, ясно и лаконично выраженное значение. Это — особая категория межевых надписей, высеченных непосредственно на межевом знаке и свидетельствующих, что земля, на которой знак установлен, принадлежит определенному лицу. Правда, в этих надписях нет названия участка и не указаны его границы или хотя бы названия соседних участков, как это обычно для сабейских межевых надписей, но такие же особенности встречаются и в других категориях межевых текстов, например, в надписях с так называемой «разграничительной формулой»²². По-видимому, употребление специфического глагола *dqt*

¹⁹ «*Lisān al-‘Arab*», v. 9—10, стр. 172.

²⁰ «*The Assyrian Dictionary*», v. 21, Chicago, 1961, стр. 63.

²¹ См. И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*. Шумер, М., 1959, стр. 132—134 и прим. 61.

²² См. А. F. L. Beeston, *A Sabaeen Boundary Formula*, BSOAS, 13, 1949, стр. 1—3.

свидетельствует, что речь идет о каком-то особом виде земельной собственности. Можно отметить и еще некоторые особенности надписей исследуемого типа: упоминание «решения», к сожалению, очень глухое, и обязательное указание нисбы владельца.

В этой связи особое значение приобретают датировка и локализация надписей с $udqfn$. Данные для датировки довольно скудны, так как тексты из Джар ал-Лабба не имеют никаких датирующих признаков; неизвестна и их палеография. Но другие надписи датируются палеографически: СИН 970 — графическим периодом С²³, а Ру 605 — периодом D²⁴. Видимо, и всю группу надписей следует датировать примерно этим же временем, т. е. III—II вв. до н. э.

Происхождение СИН 970 неизвестно; надпись Ру 605 была найдена на городище Хисмет Абу Савр, расположенном в непосредственной близости от Джар ал-Лабба²⁵. Таким образом, все надписи исследуемого типа локализируются в довольно узких территориальных и хронологических рамках.

Надпись СИН 466 содержит в формуляре, кроме разобранных элементов, еще дополнение $whsry/tb'krb$; оно отсутствует в СИН 970, но повторяется также в СИН 461, 9—10: $wsry/smhkrb/bthty/'ttr/bnhw$ и, может быть, в СИН 460, 7: $w]sry/...kr(b)/bn/kl...$ ²⁶. Эта формула несомненно связана с особой формулой, упоминающей сабейских эпонимов: $d'sry/N$ «которому дал решение оракула такой-то (эпоним)» — СИН 430, 436; Ja 567, 589, 703²⁷, и особенно с ее вариантом в надписи Ja 560, 7—8: $wbdt/stwfy/sry/bnhw/'bkrb$ «и за то, что даровал решение оракула сыну его 'Абкариб»²⁸. Эта формула сообщает о решении оракула, которое сообщал эпоним для каких-то определенных категорий лиц, по-видимому, при рождении ребенка. Характер этого решения остается неясным, можно лишь сказать, что оно носит личный характер и, видимо, как-то определяет положение и судьбу лица, получившего решение оракула.

Несомненно, что и в исследуемых надписях оракул сообщается эпонимом; в двух случаях лица, сообщающие решение, носят характерные имена эпонимов; надписи, как и следовало ожидать, связаны с культом 'Астара. Но в третьем случае прочесть имя не удастся. Копия Ж. Халеви содержит знаки $'trdr'$; второй элемент имени, несомненно, следует читать krb , один из наиболее частых элементов в именах эпонимов. Но, может быть, именно поэтому первый элемент имени остается неясным²⁹. По-видимому, оракул давался общесабейским эпонимом, но не исключена возможность, что надписи упоминают локальных эпонимов одного из трех эпонимных племен.

При всем сходстве формул, особенно в СИН 461, где выражение $bnhw$ можно понимать как «сыну его», такая интерпретация кажется совершенно неподходящей в надписях исследуемого типа. Более вероятно, что

²³ См. J. P i g e n n e, Paléographie des Inscriptions sud-arabes, I, Brussel, 1956, стр. 168.

²⁴ G. R u s k m a n s, ISA XVIII, стр. 13.

²⁵ См. J. H a l é v y, Rapport sur une mission archéologique dans le Yémen, JA, 6e ser., XIX, 1872, стр. 92.

²⁶ Ж. Халеви читает здесь... $tr/w'trdr'$; ему следует Бистон, понимая эти слова как имена собственные (В e e s t o n, Oracle Sanctuary ..., стр. 225). По-видимому, следует читать палеографически близкое $wh?] sry/ ... kr(b)$.

²⁷ См. A. L o u n d i n e et J. R u s k m a n s, Nouvelles données sur la chronologie des rois de Saba et du-Raydan, «Le Muséon», 77, 1964, стр. 412 сл. Ср. Г. М. Б а у э р, Некоторые проблемы эпонимата в древней Южной Аравии, ВДИ, 1967, № 2, стр. 142 сл.

²⁸ А. Г. Л у н д и н, Дополнения к списку сабейских эпонимов, ВДИ, 1966, № 3, стр. 89.

²⁹ Равно возможными кажутся чтения $'bkrb$, $nš'krb$ и т. д.

здесь решение оракула относится не к человеку, а к земельному участку, которому посвящен текст. Нам уже приходилось говорить, что в хозяйственные функции эпонимов, вероятно, входили вопросы землепользования³⁰. Исследуемые надписи подтверждают этот вывод.

Таким образом, право собственности на земельный участок определялось оракулом 'Астара, сообщаемым через эпонима, т. е. государственного или племенного магистрата. По-видимому, это позволяет говорить о существовании в Сабейском государстве в III—II вв. до н. э. какого-то фонда государственных (или племенных) земель, которым распоряжаются представители государственного аппарата.

Формуляр надписей исследуемого типа очень строг и лаконичен. Возникает вопрос: насколько правомерно отнесение к этому же типу более пространных текстов из Джар ал-Лабба СИН 460—465. Правда, три из них находятся на одной стеле с надписью СИН 466 (СИН 463—465), но это материальное единство не может служить решающим и бесспорным аргументом.

Все пространные надписи из Джар ал-Лабба повреждены, так что восстановить полную схему формуляра не удастся. Однако можно сказать, что в ней явно нет той строгости, которая характерна для кратких текстов. Разделы не имеют установленной последовательности: так, термин *wṭn* можно встретить в начале текста (СИН 462 и 463) и в середине (СИН 465), глагол *udqṭn* — в начале (СИН 463 и 464) и в конце (СИН 465). Даже по общему содержанию некоторые тексты заметно отличаются от остальных (СИН 461 и особенно СИН 460). Надпись СИН 461, относительно хорошо сохранившаяся, не содержит никаких межевых терминов и посвящена в основном описанию жертвоприношений³¹.

Обратимся, однако, к анализу пространных надписей по уже выделенным элементам формуляра. «Пreamбула» *bn/tḥty* встречается в трех текстах (СИН 461, 9—10; 464, 1—2; 465, 7—8), объект *dn/wṭnn* — в четырех (СИН 462, 1—2, 3; 463, 1; 464, 1—2; 465, 5—6) и «действие» *udqṭn* также в четырех (СИН 462, 1, 3; 463, 1; 464, 1; 465, 9). Лишь имя автора не удается обнаружить ни в одной из пространных надписей. Однако этот элемент формуляра, при всей его необходимости, совершенно не влияет на понимание текста.

Таким образом, во всех надписях встречаются «формулярные» термины, от одного в СИН 461 до трех в СИН 464 и 465. Только в одном тексте СИН 460, который А. Бистон справедливо считает «наиболее трудным и неясным из всех семи»³², эти «формулярные» термины отсутствуют. Но и в нем, по-видимому, можно обнаружить формулу *whlṣry/N*, дополнительный элемент формуляра, известный по СИН 466 и 461. Он отсутствует лишь в самом лаконичном тексте СИН 970.

Во всех пространных надписях из Джар ал-Лабба содержатся те или иные элементы формуляра, что позволяет уверенно отнести эти тексты к исследуемому типу и рассматривать их как межевые надписи. Отсутствие в пространных текстах тех или иных элементов формуляра, вероятно, объясняется просто фрагментарным состоянием этих надписей.

³⁰ А. Г. Лундин, Государство мукаррибов Саба, М., 1971, стр. 151. Отметим еще один факт, указывающий на связь исследуемых надписей с институтом эпонимов: Ру 605 происходит из Хисмет Абу Савр, но из этого же места происходит и надпись СИН 368, единственный известный нам текст, упоминающий титул *mwd* «друг» (мукарриба), столь частый в списке сабейских эпонимов племени Халил.

³¹ См. *Weston*, *Sabaeen Inscriptions*, стр. 48—49; о нем же, *Oracle Sanctuary...* стр. 219 сл., 225. По-видимому, именно эта надпись, с которой А. Бистон начал изучение текстов из Джар ал-Лабба, и послужила основным материалом для вывода о сакральном характере этих надписей.

³² *Weston*, *Oracle Sanctuary...*, стр. 215—216.

Пространные тексты содержат еще ряд терминов юридического характера: $\text{'}w\text{d}\text{t}$ «граница» (СН 464, 4—5; 465, 5)³³, mhg «декрет» (СН 460, 3). По-видимому, к межевым терминам следует отнести также $\text{'h}\text{r}\text{y}$ «последняя (из двух)» в СН 462, 8—9³⁴ и противоположный по смыслу $\text{q}\text{d}\text{m}\text{t}$ в СН 465, 6. Особенно интересно поврежденное слово $\text{...sh}\text{f}$ в СН 460, 2, которое связывает эту надпись как с сабейскими юридическими текстами (СН 924, 3 и G1 1642, 2³⁵), так и с межевыми надписями на мидийском языке из Харамы (RES 3310A, 1—2; В, 2).

Надписи из Джар ал-Лабба были обнаружены Ж. Халеви на двух стелах, причем текст каждой грани рассматривался как самостоятельная надпись. Однако определение этих стел как межевых знаков заставляет предположить, что каждая стела содержит один большой текст, части которого не удается соединить из-за неясной последовательности и лакун. Действительно, межевой знак, на каждой стороне которого³⁶ имеется самостоятельная надпись, утверждающая право владения каким-то участком земли, трудно себе представить. Тем не менее, внимательный анализ надписей не позволяет рассматривать их как части единого текста. Прежде всего, СН 466 — явно целиком сохранившаяся самостоятельная надпись; это подтверждает и существование параллельной надписи СН 970. Об этом же говорят и многочисленные повторения в надписях одной стелы. Так, на первой стеле трижды говорится о «решении» (СН 466, 1—3 и СН 464, 1—2: $\text{b}\text{n}/\text{t}\text{h}\text{t}\text{y}/\text{d}\text{n}/\text{w}\text{t}\text{n}\text{n}$; СН 465, 7—8: $\text{b}\text{n}/\text{t}\text{h}\text{t}\text{y}/\text{'t}\text{t}\text{r}$), а на второй стеле дважды повторяется формула $\text{w}(\text{h})\text{s}\text{r}\text{y}/\text{N}$ (СН 461, 9—10 и СН 460, 7) и упоминание «второй жертвы» (СН 462, 7—9: $\text{w}\text{h}'\text{t}\text{w}\text{h}\text{w}/\text{...}'\text{h}\text{r}\text{y}$ и СН 461, 4—5: $\text{w}\text{h}'\text{t}\text{w}\text{h}\text{w}/\text{t}\text{n}\text{y}\text{m}/\text{'t}'\text{w}\text{m}$). Поэтому тексты на каждой из граней стелы следует считать отдельными надписями.

Межевой камень, на который нанесено четыре (или хотя бы три) самостоятельных надписи, заслуживает особого внимания, особенно если вспомнить, что в текстах из Джар ал-Лабба не указываются и границы участков (или участка), о которых идет речь. По-видимому, это можно объяснить только тем, что межевой знак относился к строго определенному участку, на котором он был установлен, не менявшему границ и размеров. Тогда надписи, высеченные на межевом знаке, следует рассматривать как последовательные записи, отражающие историю этого участка: переход из одних рук в другие, изменения статута или условий владения.

Из семи надписей из Джар ал-Лабба имя владельца упомянуто лишь в одной, СН 466, самой краткой и, по-видимому, первоначальной. Вряд ли это можно объяснить только повреждениями остальных текстов, тем более, что формуляр пространных надписей был довольно свободным («преамбула» $\text{b}\text{n}/\text{t}\text{h}\text{t}\text{y}$ в СН 466 находится в начале, в СН 465 завершает текст, а в СН 464, вероятно, находится где-то в середине³⁷), и имя владельца, вероятно, могло бы встретиться в любой части текста. В кратких надписях оно следует за глаголом $\text{u}\text{d}\text{q}\text{t}$ или за «объектом» wtn ; глагол четыре раза встречается в пространных текстах, а «объект» — пять раз, но ни разу после них не идет имя владельца. Следовательно, отсутствие этого элемента формуляра не случайность, а отражение какой-то особенности в характере пространных текстов. По-видимому, это можно объяснить

³³ См. В е е s t o n, Oracle Sanctuary ..., стр. 216—217.

³⁴ Л у н д и н, Некоторые вопросы земельных отношений ..., стр. 151, 153.

³⁵ Н. Tschinkowitz, Kleine Fragmente, I. «Sammlung E. Glaser, VI», Wien, 1969 (SBAW, 261), стр. 22.

³⁶ Вторая стела, содержащая три надписи (СН 460—462), была обнаружена Ж. Халеви лежащей на земле. По-видимому, текст, находившийся на стороне, обращенной к земле, просто остался нескопированным.

³⁷ В первой сохранившейся строке, но все же после «действия» ($\text{u}\text{d}\text{q}\text{t}$).

нить их «вторичностью», их положением дополнений к основному — краткому — тексту.

Таким образом выясняется, что история земельных участков, отраженная в надписях из Джар ал-Лабба, заключалась не в переходах этих участков от одного владельца к другому, а в каких-то других изменениях — статута участков или условий владения. Но тогда речь идет не о частной собственности на землю, а о владениях какого-то иного характера. Может быть, с этим можно связать тот факт, что надписи обязательно упоминают нисбу, т. е. племенное обозначение владельцев, и говорить о племенной (общинной) собственности на эти земли³⁸.

Надписи из Джар ал-Лабба сообщают о землях из государственного или племенного фонда, которые передаются государственными чиновниками каким-то коллективам — роду или общине, причем в дальнейшем эти же чиновники регулируют статут или условия владения этими землями. Это показывает значение и интерес, который представляют исследуемые памятники.

Для того чтобы более детально выяснить особенности и характер этой формы собственности, требуется подробно исследовать пространные тексты из Джар ал-Лабба, что не входит в задачи настоящей статьи. Можно надеяться, что теперь, когда выяснилась основная тема этих надписей, окажется возможной и их надежная интерпретация, хотя по-прежнему остаются очень значительные трудности, связанные с фрагментарностью текстов, ненадежностью копии Ж. Халеви и сложностью понимания многих терминов.

INSCRIPTIONS FROM JĀR AL-LABBĀ

(for the centenary of J. Halévy's expedition)

by A. G. Lundin

The inscriptions were discovered by J. Halévy a hundred years ago and have not been sufficiently studied. The first attempt to interpret them was made only in 1949, by A. Beeston. He defined their main theme as «sacrifices and oracles» and interpreted the obscure terms dqt and mnt accordingly. But sacrifices and oracles might accompany any act in ancient South Arabia or elsewhere in the ancient world. In order to determine the main subject matter of the inscriptions their formulary must be established. This is most succinctly expressed in CIH 466, to which correspond two inscriptions of a different provenance, CIH 970 and Ry 605.

A comparative study of the three inscriptions shows that the formulary of documents such as these consists of one phrase: $\text{bn/tht(y)/dn/wtnn/ydqfn/N}$. Four elements may be distinguished: the preamble, bn/tht(y) ; the object, dn/wtnn ; the act, ydfn ; and the author's name. South Arabian word usage and the Palmyran parallels determine the meaning of the preamble: «by the command, order, decree». The object is expressed in the term wtn : «boundary-mark, limit» (the meaning «idol», which is basic for North Arabian, is not found in these texts). The author's name always includes a clan (tribal) designation, expressed by the *nisbah*. The key element is the third, the «act». The different arrangement of the same formulary in Ry 605 (wtn/N/wtth...), with the key element left out, makes it possible to characterise inscriptions of this type as boundary

³⁸ О племенной (общинной) собственности на землю в древней Южной Аравии см. также Лундин, Государство мукаррибов Саба, стр. 233—245.

texts. Accordingly the verb *dqt* must mean «give, establish the right of ownership». The common-Semitic meaning of the verb can be inferred from data provided by the Akkadian and North Arabian languages as «sting, pierce». The Sabaeen meaning may evidently be connected with the practice, wide spread in the ancient Near East, of driving in a peg when land is alienated.

Inscriptions of this type may be translated thus: «According to the decision this boundary-mark gives ownership rights to son-and-son». More detailed texts (CIH 460—65) contain the same elements in different combinations and so are of the same type. The characteristic verb *dqt* indicates that the inscriptions have to do with some special kind of property. The detailed texts show that the «decision» was taken in the name of 'Attar and was communicated by oracle. The oracle is given by the eponym, one of the most important Sabaeen magistrates. Inscriptions of this type seem to indicate the existence in the Sabaeen state of a special category of state or tribal land.
